

Благотворительный Фонд
МАРИАМ ИБРАГИМОВОЙ

ПРАВДА ИМАМА ШАМИЛЯ

МИХАИЛУ ЛЕРМОНТОВУ

...Нет, не страшил его Чиркей
В суровых дебрях Дагестана —
Любил он в непокорном стане
Лихую удадь узденей.

Мог на него поднять булат
Мюрид – защитник имамата...
С отвагой русского солдата
И сам он умереть был рад.

Когда мы думаем о нём,
То утешает мысль нередко,
Что не легла та смерть на предков
Братоубийственным пятном.

Его в аулах наших чтут,
Как близкого по духу, нраву,
И сыном гор его по праву
Собратьев истинных зовут.

Мариам Ибрагимова

«ПРАВДА ИМАМА ШАМИЛЯ»

Монография в пяти томах
доктора социологических наук
Р. Ибрагимова

Том 1. Фальшивая история Кавказской войны

Том 2. Методология фальсификации истории

Том 3. «Плен». Шах и мат царской пропаганде

Том 4. Мир на самых льготных для Шамиля условиях

Том 5. Фальшивки, небылицы, ложь царской пропаганды

Том 3

«Плен». Шах и мат царской пропаганде

- А было ли само событие «сдачи в плен» Имама Шамиля...?
- Императорская власть никогда не заявляла о «пленении» Имама Шамиля.
- Возведенные мемориалы и памятники событиям на Гунибе неопровержимо разоблачают фабрикацию о «пленении» Имама Шамиля.
- Сорок мюридов Имама Шамиля. Шах и мат фальшивке о «пленении».
- Дагестанские кавказоведы о несуществующем «обмане» Имама.
- Участники событий – горцы развенчивают фальсификацию о «пленении» Имама Шамиля.
- Имаму Шамилю никто и никогда не осмелился даже упомянуть о химерическом «пленении».
- «Пленение» наиба Хаджи-Магомета в сражении при Китури – очередное разоблачение фабрикиции царской пропаганды.
- Кто безуспешно пытается тиражировать несуществующее «пленение»? Анонимные заказные «придворные летописцы».
- Причины появления фабрикиции о «пленении» Шамиля.
- Первые анонимные фальшивки о «пленении» Шамиля.
- Военный сборник – ретранслятор злоречивой клеветы царской военной пропаганды.
- Правда о событиях на Гунибе – Имам Шамиль в плен не сдавался.

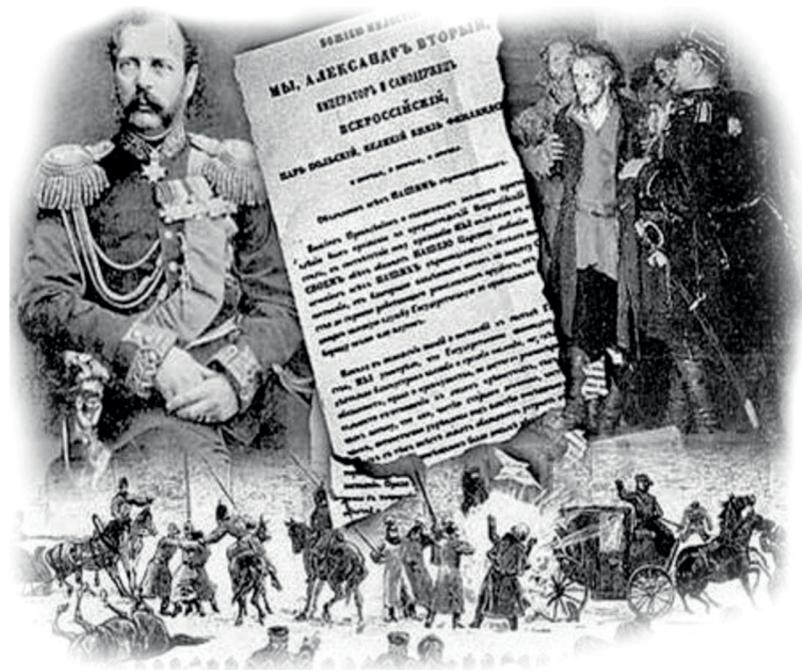
Представленные материалы являются объектом авторского права. Перепечатка, копирование, распространение с целью коммерческого использования возможны исключительно с предварительного письменного согласия правообладателя.

Глава II

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ НИКОГДА НЕ ЗАЯВЛЯЛА О «ПЛЕНЕНИИ» ИМАМА ШАМИЛЯ

Императорская власть никогда не заявляла о «пленении» Имама Шамиля, поскольку события «пленения» де факто не случилось и не состоялось в реальной истории Кавказской войны.

Это утверждение объективно подтверждается достоверными источниками, историческими документами, свидетельствами, доказательствами.

Если на мгновение признать лжеверсию фальсификаторов истории о «пленении» Имама Шамиля – сенсация мирового уровня и масштаба должна быть ознаменована и увековечена Высочайшим обращением императора России Александра II.

Император Александр II нигде, никогда – ни официально, ни privately – не заявлял, не обозначал, не указывал о том, что 25 августа 1859 г. на Гундубе Имам Шамиль «сдался в плен».

Наоборот, 28 июля 1859 г было высочайшее распоряжение императора Александра II:

«...примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих заслуг».

Имперская власть России никогда и нигде «де юре»

- в своих указах, рескриптах, правительственных, директивных, распорядительных документах не заявляла о невероятном для Правды Истории Кавказской войны, оскорбительном химерическом «пленении», «сдаче в плен», «почетном пленении» Имама Шамиля;

- не декларировала, не определяла не обозначала статус Имама Шамиля как «пленный», «военнопленный».

Министерство иностранных дел, правительствующий сенат, государственный совет, комитет министров, собственная его императорского величества канцелярия в своих официальных публичных заявлениях, документах «де юре» нигде и никогда

- не заявляли о «пленении» Имама Шамиля;
- не обозначали статус Имама Шамиля как «военнопленный»;
- не допускали комментариев о сдаче Имама Шамиля «в плен».

Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский – наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией, до конца своих дней – ни официально, ни в личных беседах, письмах – никогда и нигде не заявлял о том, что 25 августа 1859 г. на Гунибе Имам Шамиль «сдался в плен», взят «военнопленным».

Если бы «знаменательный» для мировой истории лжефакт «пленения» Имама Шамиля имел место в реальности – Барятинский по должности, статусу, положению был обязан официально от лица наместника на Кавказе, главнокомандующего Кавказской армией обозначить суть, смысл и конкретные обстоятельства «пленения» и собственную личную позицию по «сдаче в плен» Имама Шамиля.

Если «поверить» в абсурдную лжеверсию о «пленении» – как и чем можно объяснить, что Барятинский ни одним словом не обмолвился о «сдаче в плен Шамиля» и подвиге русских солдат, «пленивших» Шамиля?

Представить реальной профанацию о «пленении» Имама Шамиля можно только находясь в «желтом доме» фальсификаторов истории, но и там возникает вопрос – как и чем можно объяснить, что «подвиг» русских солдат, «пленивших Шамиля», не был восславлен во время триумфа Барятинского, во время чествования и здравицы императорской армии, во время празднования пятидесятилетнего юбилея окончания Кавказской войны?

По свидетельству Абдурахмана Гази-Кумухского, во время визита Имама Шамиля летом 1861 г. к Барятинскому в Петергоф князь оказал Шамилю дружеский прием как дорогому гостю:

«...Мы отправились к генерал-фельдмаршалу князю Барятинскому], который всегда уважал Имама и любил его.

Он находился тогда в селении, выстроенном на морском берегу, протянувшемся до Петербурга. [Оно называется Петергоф, что означает на их языке – селение, принадлежащее прежнему царю Петру Великому].

Мы прибыли туда из Петербурга по морю на пароходе, принадлежащем брату императора великому князю Константину Николаевичу, а он был командующим всеми военно-морскими силами России. [А пароход – это удивительное двухэтажное сооружение, в котором есть все, чего пожелает душа и что радует глаз. Обстановка его из красного бархата ослепляет великолепием].

Нас расположили во дворце великого царя, окруженном тем, что не поддается описанию. После того как мы пообедали, нас пригласили к генералу, находившемуся в других императорских дворцах. Имам вошел к нему с полковником Богуславским.

Мы оставались в прилегающем к нему помещении до тех пор, пока не окончилась их беседа. Затем мы вошли к генералу, и последнее, что он сказал имаму при прощании, было:

«Поистине, я люблю тебя как родного брата»¹.

Только этот достоверно установленный факт объективно и бесспорно опровергает позднейшие фабрикация военной пропаганды о несуществующем «пленении» Барятинским, «завлечении в плен обманом», «капитуляции» Имама Шамиля.

¹ Абдурахман ал-Газикумухи. «Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля». Пер. Н.А. Тагировой. М. Восточная литература. 2002. Стр. 119

Наместник на Кавказе князь Барятинский, выполняя волю императора Александра II, своими властными решениями и действиями остановил жестокую кровавую развязку на Гунибе, не допустил гибели Имама Шамиля и оставшихся мюридов, чем вразумительно обозначил цель, смысл, предназначение, предмет переговоров и встречи с Имамом Шамилем: – **Умиротворение Кавказа.**

«Великая тяжкая война ... окончилась неожиданным и блистательнейшим образом... Это было лучшим оправданием в выборе славного полководца, так скоро, так прекрасно окончившего вековую борьбу.

Знаменитый противник наш Шамиль будет вскоре гостем нашей столицы и на опыте удостовериться, как мы и в неприятеле уважаем храбрость и несчастье, как обходимся с врагами; он убедится, что звание мирного русского гражданина гораздо почетнее и вернее...»².

«Умиротворение Кавказа не только в истории России, но и в истории цивилизации займет весьма почетное место, а потому имена тех, кто наиболее способствовал этому великому делу, не будут забыты и в самом отдаленном потомстве»³.

Предложение Барятинского окончить Кавказскую войну умиротворением, согласие с условиями Имама Шамиля – однозначно свидетельствует о **заключении мира**, и именно эта правда истории событий на Гунибе сразу все расставляет по своим местам, разоблачает ложь, клевету, домыслы, фабрикацию фальсификаторов истории.

Только добровольное и осознанное согласие Имама Шамиля заключить мир с Россией в лице Барятинского ставит точку в завершении Кавказской войны.

Может ли наступить «умиротворение» у Кавказских народов, если вожь горцев – Имам Шамиль – «в плену-рабстве», в ожидании, когда будет повергнут «к стопам» русского императора?

«Умиротворение» Кавказа стало возможно благодаря **заключению мира** между Шамилем и Барятинским, где Имам Шамиль выступил равной стороной, выдвинул и определил свои условия. Все они были впоследствии выполнены.

² «Русский инвалид», 2 сентября 1859 г. № 187

³ **Романовский Д. И.** Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа Генерального штаба полковником Романовским Д. И. СПб., 1860. Стр. 27

Если условно принять на веру пасквильную лжеверсию о несуществующем «пленении» Имама Шамиля на Гунибе, то по этому событию мирового достояния должна быть однозначная официально объявленная позиция внешнеполитического ведомства императорской России и лично канцлера А. М. Горчакова.

Кроме того, А. Горчаков в письме от 26 июля 1859 г. призывал Барятинского к заключению мира с Имам Шамилем:

«Если бы Вы дали нам мир на Кавказе...».

Горчаков должен был лично отреагировать на неисполнение Барятинским его указания и настоятельной рекомендации.

Как Вы считаете, почему русский дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи, канцлер А.М. Горчаков не заявил на государственном уровне и в международном формате о победе русской армии, «пленении» Шамиля и никак лично не прокомментировал это событие?

Если отбросить здравый смысл историка и согласиться с «эпохальной» лжеверсией о «пленении» Имама Шамиля на Гунибе – военный министр императорской России Н.О. Сухозанет по своему положению, должности, статусу был обязан обозначить и прокомментировать архиважное для императорской армии «пленение» от имени военного ведомства и от себя лично.

Тем более что Сухозанет настоятельно рекомендовал Барятинскому в письме от 29 июля 1859 г.

«предпочсть благодетельные плоды примирения славным военным подвигам»⁴.

По какой причине военный министр Н.О. Сухозанет не сделал официального заявления о «пленении» Имама Шамиля, если оно «имело место»?

По нашему мнению, военный министр должен был высказать свою личную позицию в связи с «невыполнением» Барятинским его распоряжения.

⁴ **Зиссерман А.** Фельдмаршал князь А.И. Барятинский (1815–1879). Т. 2. М., 1890. Стр. 269

Д. Милютин – военный историк, профессор Императорской военной академии, «летописец» Кавказской войны, начальник штаба Кавказской армии, фиксировавший и описывавший все исторические и военные события, в которых он принимал участие, будущий военный министр (1861 г.).

Автор масштабной хроники «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане», в которой он детально и профессионально показал сражение при Ахульго.

Если на мгновение согласиться с фабрикацией о «пленении», в случае реальности такого важного исторического события мирового значения, как «пленение» Имама Шамиля, Д. Милютин, принимавший непосредственное участие во встрече Имама Шамиля и князя Барятинского, должен был незамедлительно, с соблюдением обязанностей, регламента, традиций документировать, а после – выразить собственную официальную и личную позицию в отношении «пленения» Имама Шамиля, прославить бессмертный подвиг русских солдат.

Дмитрий Милютин – непосредственный свидетель и участник встречи Имама Шамиля и Барятинского – не сделал официального и даже частного заявления о «сдаче в плен» Имама Шамиля.

Собственная Его Императорского Величества Александра II канцелярия располагала мощнейшим аппаратом, отлаженным механизмом распространения информации, протоколом оглашения заявлений, указов, манифестов, положений, уставов императора и власти для обнародования знаменательных исторических событий и оповещения подданных.

Порожденная фабриками военной пропаганды махинация о «пленении» Имама Шамиля в случае его признания императорской властью должны однозначно сопровождаться и фиксироваться:

- в указах, предписаниях, рескриптах императора Александра II;
- в делах Собственной Его Императорского Величества канцелярии;
- в утвержденных Императором мнениях Государственного Совета;
- в журналах Комитета министров;
- в докладах, донесениях, мемориях Правительствующего Сената.

Ни одного достоверного подтверждения «сдачи в плен» Шамиля от имени официальной власти царской России в историографии Кавказской войны не существует.

Участники, очевидцы, действующие лица судьбоносных событий на Гунибе 25 августа 1859 года никогда и нигде

- не заявляли о «пленении» Имама Шамиля;
- не обозначали и не определяли политический, военный, социальный – неправдоподобный, немислимый – «статус» Имама Шамиля как «военнопленный», «пленный»;
- не комментировали и не допускали в рапортах, письмах, приказах, журналах военных действий, письменных реляциях, отношениях, донесениях, отчетах комментариев о несуществующей в реальности «сдаче в плен» Имама Шамиля.

Ни один из высокопоставленных военных, русских генералов и офицеров, непосредственных участников переговоров с Шамилем, очевидцев финальной встречи Имама Шамиля с князем Барятинским никогда и нигде не свидетельствовал о несуществующей в реальности «сдаче в плен» Имама Шамиля.

- Лазарев И.Д. (1820 – 1879) – полковник, в 1859 г. начальник временного военного управления в Среднем Дагестане. Впоследствии генерал-лейтенант.

Служил на Кавказе с 1839 г.

В 1845 году отличился в Даргинской экспедиции. В 1850 году назначен управляющим Мехтулинским ханством, в 1854 году – Даргинским округом.

На Гунибе играл главную роль в переговорах Барятинского и Шамиля. Сопровождал Имама Шамиля на встречу с Барятинским. Огромная заслуга Лазарева – в окончании войны и заключении мира.

Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Руководил действиями осадного корпуса при осаде Карса. С 1868 по 1877 годы состоял при командующем войсками Кавказской армии.

Никаких свидетельств об иллюзорном, нелепом «пленении» Имама Шамиля Лазарев не оставил⁵. Вызывает вопросы молчание блестящего офицера, генерала, знавшего горские языки, досконально изучившего на практике традиции и ментальность горцев Северного Кавказа, о геополитических событиях – умиротворении Кавказа 25 августа 1859 г. на Гунибе, в которых была его главная непосредственная заслуга.

- Врангель А. Е. (1804 – 1880) – барон, генерал-лейтенант, командующий Дагестанским отрядом, впоследствии генерал-адъютант.

Участвовал в штурме аулов Гимры (1832 г.), Ахульго (1839 г.). 10 августа 1859 г. войсками под руководством Врангеля Гуниб был окружен. 15 августа 1859 г. по распоряжению барона Врангеля на Гунибе начались первые переговоры о заключении мира с Имамом Шамилем.

Лично присутствовал при судьбоносной встрече Имама Шамиля и князя Барятинского 25 августа 1859 г.

С 1864 г. – генерал-губернатор Симбирского уезда.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля Врангель не оставил. Вызывает вопросы его молчание о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

⁵ Комм. авт. – Непосредственный участник событий на Гунибе И.Д. Лазарев не оставил собственноручных воспоминаний о событиях 25 августа 1859 г. А большая часть изложения неизвестного В. Филиппова (информации о котором нам не удалось найти), записанные якобы «со слов Лазарева», требует критического анализа и комплексного пристрастного «допроса» на достоверность.

- Евдокимов Н. И. (1804–1873) – генерал-адъютант, командир 20-й пехотной дивизии, начальник левого фланга Кавказской линии.

С 1820-х гг. воевал на Кавказе. Участвовал в экспедициях против Кази-Муллы (1830–1831 гг.), в бою под Тарками ранен пулей, попавшей под левый глаз, прошедшей через голову – за что горцы впоследствии прозвали его «Уч-Гезом» (трехглазым). В декабре 1858 – апреле 1859 г. командовал взятием ставки Имама Шамиля в ауле Ведено.

25 августа 1859 г. поднялся на Гуниб вместе с А. И. Барятинским и Д. А. Милютиным. Лично присутствовал при судьбоносной

встрече Имама Шамиля и князя Барятинского. Принял на себя все распоряжения по сопровождению Имама в лагерь на Кегерские высоты, лично сопровождал Имама Шамиля, оказывал ему высшие почести и уважение.

В 1860 г. назначен командующим войск в Кубанской области (с 1862 г. – начальник области). 1 ноября 1864 г. назначен шефом Дагестанского пехотного полка. С 7 января 1865 г. состоял при кавказском заместителе.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля Евдокимов не оставил. Вызывает вопросы молчание генерала о событиях исторического значения 25 августа 1859 г. на Гунибе, о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

- Кесслер Э.Ф. (1814–1878) – генерал-майор, командующий войсками, блокировавшими Гуниб.

В 1847 г. руководил осадными работами под Гергебилем и Салтами, отличился как искусный инженер и боевой распорядительный офицер, вскоре был назначен командиром Самурского пехотного полка. В 1855 г. произведен в генерал-майоры.

Лично присутствовал при встрече Имама Шамиля и князя Барятинского. В последующие годы участвовал в покорении Западного Кавказа, состоял при войсках кавказской армии в чине генерал-лейтенанта.

Никаких воспоминаний, свидетельств о придуманном военной пропагандой «пленении» Имама Шамиля Кесслер не оставил. Вызывает вопросы молчание генерала о событиях 25 августа 1859 г. на Гунибе, в которых непосредственно участвовал, о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

Тархан-Моуравов И.Д. (1816–1878) – князь, полковник (впоследствии генерал-адъютант) командир Грузинского гренадерского великого князя Константина Николаевича полка (с 1855 г.), участник Кавказских походов, Крымской войны, с сентября 1859 года – начальник войск в Южном Дагестане, управляющим Гази-Кумухом.

С 1837 г. служил на Кавказе. 25 августа 1859 г., командовал войсками на северной стороне Гуниба. Изображен Т. Горшельтом как присутствовавший при встрече Имама Шамиля и князя Барятинского.

В 1860 г. состоял военным начальником Северного Дагестана. В 1863 г. назначен командующим 39-й пехотной дивизией, в 1868-м – Кавказской гренадерской дивизией. С 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля Тархан-Моуравов не оставил. Вызывает вопросы молчание генерала о событиях 25 августа 1859 г. на Гунибе, в которых он принимал непосредственное участие, о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

Меликов Л. И. (1817 – 1892) – князь, в 1859 г. командующий войсками лезгинской кордонной линии, генерал-адъютант (с 13 сентября 1861 г.). Служил на Кавказе с 1837 года.

В 1844–1845 гг. командовал Отдельной конной милицией. В 1845–1849 гг. – Тифлисской пешей дружиной грузинско-имеретинской милиции, с которой участвовал в Даргинской экспедиции.

В 1848 – 1854 гг. командовал 1-м Грузинским пехотным полком. 18 сентября 1850 г. назначен командующим левого фланга Лезгинской кордонной линии. 9 сентября 1858 г. утвержден в должности начальника

Лезгинской линии. Летом 1859 г. был в отряде князя А. И. Барятинского при блокаде Гуниба.

8 сентября 1859 г. назначен временным командующим войсками в Прикаспийском крае и равнинном Дагестане. 30 мая 1860 г. – начальник Дагестанской области. С 1 мая 1882 г. – член Государственного совета.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля Меликов не оставил. Вызывает вопросы молчание генерала о чрезвычайно важных для российской и мировой истории событиях 25 августа 1859 г. на Гунибе.

Племянники князя А.И. Барятинского, состоящие при нем для особых поручений 25 января 1859 года –

- Орлов-Давыдов А.В. (1837 – 1905) – граф, впоследствии генерал-лейтенант.

В 1882 – 1891 гг. – обер-гофмейстер, президент Московской дворцовой конторы (управления). Почетный мировой судья Самарского уезда.

В 1869 г. – через 10 лет после событий на Гунибе – в журнале «Русский Архив» (№ 6) опубликовано «Частное письмо о взятии Шамиля» где не содержится ни одного утверждения о «добровольной сдаче в плен», «пленении».

А. Орлов-Давыдов как честный русский офицер не посмел солгать и написать о **«пленении Шамиля»**, **выбрал ничего не выражающее отстраненное слово «взятие»**.

- Орлов-Давыдов В.В. (1837–1870) – граф, впоследствии генерал-майор.

Изображен Т. Горшельтом как присутствовавший при встрече Имама Шамиля и князя Барятинского.

6 декабря 1866 г. назначен Симбирским губернатором. В октябре 1868 г. уволился от должности губернатора, был причислен к Министерству внутренних дел.

Никаких свидетельств о «сдаче в плен» Имама Шамиля адъютант Барятинского В. Орлов-Давыдов не оставил.

- Тромповский Р.Х. – полковник, адъютант, друг А.И. Барятинского, переводчик, которому было поручено сопровождать Имама Шамиля в Темир-Хан-Шуру. Лично присутствовал при судьбоносной встрече Имама Шамиля и князя Барятинского.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля не оставил. Вызывает вопросы абсолютное молчание Тромповского о событиях 25 августа 1859 г. на Гунибе, о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

- Пензулаев Алибек (1823 – не ранее 1910) – генерал-майор, переводчик.

С 1843 года участвовал в боевых действиях на Кавказе. 25 августа 1859 г. на переговорах Барятинского с Имамом Шамилем – личный переводчик князя, непосредственно общался с Имамом Шамилем после встречи с Барятинским, сопровождал Шамиля в качестве переводчика, оказывал ему знаки самого почтительного внимания.

27 августа в лагере на Кегерских высотах передал Иمامу Шамилю и его семейству подарки Барятинского. Сопровождал Имама Шамиля в Россию.

Никаких свидетельств о «пленении» Имама Шамиля Пензулаев не оставил. Вызывает вопросы молчание генерала-кавказца о «сдаче в плен» Имама Шамиля, если на мгновение согласиться с лжеверсией о «пленении».

Горшельт Т. (1829 – 1871) – знаменитый немецкий художник, живописец, баталист.

В 1858 г. отправился на Кавказ, сопровождал экспедицию Вревского в Дагестан. В 1859 г. принимал участие в зимнем походе генерала Евдокимова в Чечню, в военных действиях против черкесов черноморского побережья.

Провел на Кавказе около пяти лет. 25 августа 1859 г. лично присутствовал при встрече Имама Шамиля и князя Барятинского, которую достоверно и объективно запечатлел глазами очевидца, кистью гениального мастера.

Водевильно-пропагандистский «диалог», приписываемый гениальному художнику немецкого происхождения Т. Горшельту – якобы как «свидетелю-очевидцу» – фабрикация военной пропаганды и цензуры, не имеет никакого отношения к истинным воспоминаниям Горшельта.

Современные дагестанские «шамилеседы» злоязычно тиражируют ложь и фабрикация военной пропаганды и тщетно пытаются убедить современников в авторстве Горшельта, не владевшего не только аварским, кумыкским, арабским, но и русским языком.

Фабрикация, мистифицированная в петербургском журнале «Пчела» (№№ 26 – 27 от 3 и 10 июля 1877 г.) от имени Горшельта – через 6 лет после смерти Горшельта – очередная фальшивка.

Предприимчивый заказной редактор журнала «Пчела» А. Прахов, по весьма корректному свидетельству его современников «немного дилетант», цинично и почти дословно приписал умершему Горшельту лживую клеветническую фабрикацию 18-летней давности из газеты «Русский Инвалид» (№ 253, от 24 ноября 1859 г.) – заказного анонимного «корреспондента Аугсбургской Всеобщей Газеты».

Столь явный подлог требует критического анализа, осуждения циничной кощунственной провокации по отношению к умершему, «предания анафеме» заказчиков и исполнителей, а не бездумного, невежественного, позорного тиражирования современными «историками-кавказоведами из Дагестана».

Сфабрикованные «воспоминания» от имени Горшельта – пространный водевильный диалог – чисто по временным критериям и фактическим обстоятельствам не мог произойти в течение двухминутной встречи Шамиля и Барятинского.

Фальшивое, поддельное «название» картины Горшельта – «Пленный Шамиль» – нами подробно и детально разоблачено в настоящей монографии (т. 3, гл. «Г. Горшельт не называл картину «Пленный Шамиль»).

В историографии Кавказской войны не существует свидетельств о «состряпанном» «мародерами от истории» воображаемом «пленении» Имама Шамиля от лица офицеров, участвовавших в проникновении царских войск на Гуниб – полковника Кононовича, начальника войск южного фаса полковника Тергукасова, полковника Радецкого, командира 1-го батальона Апшеронского пехотного полка полковника Егорова, майора Штанге.

Отсутствие свидетельств, воспоминаний, личных комментариев генералов и высокопоставленных офицеров о несуществующей в реальности «сдаче в плен» главы государства Имамат, духовного властелина мусульман Северного Кавказа Имама, шейха Шамиля, выдающегося полководца объективно и неопровержимо доказывает:

25 августа 1859 г. на Гунибе Имам Шамиль в плен не сдавался, ни добровольно, ни по принуждению, ни посредством обмана, ни по каким-либо придуманным «лже-историками-«шамилеедами» фантастическим, уму непопостижимым, лживым, невежественным домыслам и лжеверсиям.

ВОЗВЕДЕННЫЕ МЕМОРИАЛЫ И ПАМЯТНИКИ СОБЫТИЯМ НА ГУНИБЕ НЕОПРОВЕРЖИМО РАЗОБЛАЧАЮТ ФАБРИКАЦИЮ О «ПЛЕНЕНИИ» ИМАМА ШАМИЛЯ

Мемориалы и памятники в честь боевых побед и сражений – неизбежные вехи исторического прошлого, апеллирующие к коллективной памяти участников, очевидцев и их потомков, объективные и достоверные свидетельства о судьбоносных свершениях эпохи. В названиях, памятных надписях-посвящениях всегда присутствуют точные, лаконичные, емкие обозначения прославляемых подвигов.

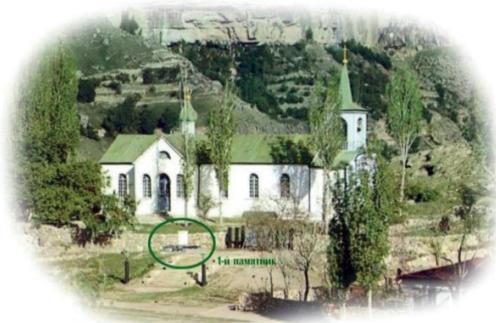
Мемориальная доска на здании, где советскими войсками был пленен гитлеровский фельдмаршал Паулюс со своим штабом. Сталинград, 1943 год.

Памятные свидетельства необходимо принимать в историческом, идеологическом, политическом контексте эпохи – только в этом случае они будут восприниматься потомками как объективная истина, как историческая правда, воплощенная в памятники.

Во все времена возводимые мемориалы, памятники, монументы объективно и достоверно отражают позицию власти по отношению к возвеличиваемому событию.

25 августа 1859 г. на Гунибе Имам Шамиль по настоятельному и однозначному предложению Барятинского принял решение завершить долгую кровопролитную войну легитимным умиротворением Кавказа.

Именно поэтому на возведенных памятниках, прославляющих подвиги русских солдат на Гунибе, не содержится даже намек на «пленение», «взятие штурмом», «наголову разбита» и других подобных победных надписей.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК

В начале 60-х гг. XIX века возведен первый официальный памятник, прославляющий и возвеличивающий окончание Кавказской войны.

«Около церкви находится каменный, оштукатуренный и выбеленный столб, высотой около двух аршин, вокруг которого положены орудия и снаряды. ... На столбе надписи: «орудий 16, снарядов 294. Дагестан 1859 г.»⁶.

Надписи достоверно свидетельствуют – события «пленения» Имама Шамиля на Гунибе не было. Иначе об этой героической сенсации обязательно было бы увековечено на памятнике. Никто не посмел бы отнять этот триумф у русских солдат.

ВТОРОЙ ПАМЯТНИК

Вторым памятником, посвященным завершению Кавказской войны на Гунибе, стал камень, на котором сидел А.И. Барятинский 25 августа 1859 года, в исторический момент встречи с Имамом Шамилем.

На камне была высечена «лаконическая надпись»: **«1859 года 25-е августа, четыре часа пополудни».**

Никаких победных, прославляющих для истории и потомков посвящений – о «сдаче в плен», «пленении» Имама Шамиля в надписи, выбитой на камне, нет.

Если на мгновение принять ложь о «пленении», то камень, на котором сидел Барятинский во время встречи с Шамилем – это место «пленения», которое в обязательном порядке должно было быть увековечено в автографе на камне.

Отсутствие такого посвящения в надписи на камне – неопровержимое свидетельство – **Имам Шамиль не был пленен.**

⁶ РГИА, Ф.1284. Оп. 188. Д. 122. л. 6.

ТРЕТИЙ ПАМЯТНИК

В конце XIX в. на скале в южной части Гунибского плато установлена каменная пирамида высотой в три метра – памятник солдатам Апшеронского полка.

Металлическая доска, привинченная к пирамиде, содержала надпись: **«Сооружена в 1894 г. обществом офицеров 81-го Апшеронского пехотного полка, в ведении которого и находится».**

В 1909 г. на памятник укрепили новую табличку с изображением Георгиевского креста в обрамлении лаврового венка и георгиевской ленты, на которой были выбиты слова: **«Апшеронцам, первым поднявшимся на Гуниб. 25-го Августа 1859 года».**

В обеих табличках ни о «сдаче в плен», ни о «пленении» Имама Шамиля никаких автографов не было.

Если условно поверить, что на Гунибе имело место «пленение» Имама Шамиля, то это событие должно быть увековечено на памятнике.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАМЯТНИК

В 1894 г. в Темир-Хан-Шуре (Буйнакск) на церковной площади возведен памятник «Апшеронцам за Гуниб».

Памятник представляет собой искусственную бетонную скалу с бронзовым орлом наверху. Вокруг врытые в землю орудия, от которых по скале тянутся железные веревки с крючьями. С помощью таких веревок карабкались вверх солдаты.

На скале – бронзовая доска с надписью: **«Апшеронцам за Гуниб».**

Никаких посвящений о «сдаче в плен» Имама Шамиля в памятной надписи на этом мемориале, прославляющем апшеронцев, нет.

Все памятники, посвященные событиям 25 августа 1859 г. на Гунибе, свидетельствуют: «пленение» Имама Шамиля – фальсификация истории Кавказской войны.